

А.Ф. Борун

Тор Δδ

Александр Борун

Тор Δδ

«Автор»

2015

Борун А. Ф.

Тор Δδ / А. Ф. Борун — «Автор», 2015

У нас под ногами тонкая земная кора, под ней огромный объём мантии. Последние научные данные говорили о том, что она твёрдая. И, уж конечно, необитаемая, это подразумевалось само собой.

© Борун А. Ф., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Картина 1. Начало	5
Картина 2. Кто пришел	12
Беседа α. Контакт с героем в мантии	16
Беседа αα. Вопросы педагогики	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Борун Тор Δδ

Картина 1. Начало

Начну, пожалуй, с самого начала. Впрочем, начал было несколько.

* * *

Для всего мира все началось с заявления сейсмологов. Прозвучавшее во всех передачах новостей и напечатанное во всех газетах, подписанное самыми известными сейсмологами мира (известными, понятно, среди самих же сейсмологов – публика до сих пор и не подозревала об их существовании), оно стало сенсацией. Передачи и газеты снабдили заявление комментариями в меру разумения и серьезности своих “экспертов”.

* * *

Для самих сейсмологов все началось за три дня до того. Сейсмологи ничего не понимали и были вне себя. Колебания такого типа, как те, что регистрировались к моменту публикации заявления вот уже третьи сутки подряд, не были известны мировой сейсмологии. Источник сейсмических волн располагался на очень большой глубине, на границе коры и мантии, и, насколько удалось определить, прямо под Нью Йорком. Микротолчки регистрировались только сейсмографами, они не тянули по силе и на самое маленькое землетрясение. Даже жители Нью-Йорка, которых эти толчки касались больше всех, их не заметили. Но они отличались удивительным постоянством, почему и стали сначала предметом интереса, а потом и поводом для тревоги ученых. Было похоже, как будто под землей работает какая то чудовищно мощная машина. Все мыслимые проверки для исключения малейшей возможности того, что это грандиозный розыгрыш (скажем, кто-то установил какие то механизмы в определенных точках поверхности земного шара, таких, чтобы вызываемые ими сейсмические волны давали ту картину, что наблюдалась на практике), были сделаны, и ни малейшей возможности фальсификации найдено не было. Сейсмологи довольно уверенно определяли координаты и глубину расположения источника, складывая на компьютере результаты замеров во всех точках земного шара. Обмануть их, располагая что то где бы то ни было на поверхности, было невыполнимо. Да и сила толчков была малой только для землетрясения. Для имитации на поверхности потребовалось бы устроить непрерывный ряд довольно существенных взрывов, не заметить которых человечество не могло бы. (По мнению некоторых сейсмологов, никакая система взрывов не могла симитировать такие сигналы все равно). С другой стороны, никакая из созданных человечеством машин не могла бы работать в том месте, где находился источник таинственных сейсмических волн.

Не удавалось также придумать никакой правдоподобной гипотезы, объясняющей регистрируемые толчки естественными причинами. До сих пор не наблюдалось ничего подобного. Никакие существующие теории не описывали никаких похожих эффектов. В принципе, конечно, известно самопроизвольное возникновение колебаний в условиях постоянного потока энергии – скажем, все слышали порождаемое таким образом пение водопроводных труб. Но для возникновения наблюдаемых колебаний не удавалось подобрать подходящих

условий. По существующим теориям условия на границе коры и мантии не должны были давать подобной «постоянной нестабильности». А новую теорию за три дня создать не удалось...

Но больше всего беспокойства внушало то, что при постоянном местонахождении по широте и долготе (это как раз та точка, которую сейсмологи называют эпицентром, то есть точкой над центром; журналисты иногда путают и под эпицентром понимают сам источник колебаний, который сейсмологи называют еще очагом землетрясения) глубина источника колебаний медленно, но верно уменьшалась. За три дня наблюдений, проверок и перепроверок, разговоров с глазу на глаз и совещаний по скайпу чуть ли не всем составом мировой сейсмологии это было выяснено вполне определенно, и именно это заставило ученых поторопиться выступить с заявлением. Хотя соблазн сначала разобраться самим и не выставлять себя на посмешище перед всем миром был очень велик, страх перед возможным развитием событий оказался сильнее. Легко было представить реакцию людей, когда зловещий объект доберется до поверхности и покажет всему человечеству кузькину мать. Ясно, что первой реакцией будет поиск виноватых, и понятно, кто ими окажется. Тот, кто знал, но не предупредил, разумеется. Пример итальянских сейсмологов, которых судили за непредупреждение о землетрясении, показывал, что это, по крайней мере, возможно. А при том, что тут было что-то абсолютно непонятное... А если последствия окажутся такими, что будут не судить, а попросту линчевать... Этого сейсмологи и испугались больше профессионального позора. Точнее, некоторые из них испугались больше, и этого хватило: они стали действовать. В смысле, говорить.

Казалось, какая то неизвестная машина, создание которой было невозможно при нынешнем уровне развития человечества, существование которой там, где она находилась, было невозможно ни для какой земной техники, уверенно приближалась к поверхности. Или, возможно, к поверхности приближалось доселе неизвестное природное явление, ведущее себя как такая машина.

* * *

Для меня все началось тоже три дня назад. Моя фамилия Борун. Ну ладно, поздно скрываться под псевдонимом, меня зовут Болек Рунковский. Бо(лек) + Рун(ковский) = Борун. Я не сейсмолог и ничего не знал об их затруднениях, хотя сам их придумал...

Здесь нет противоречия. Первые три дня я придумывал, но не знал, что все так совпадет с реальностью. Хотя и это совпадение с реальностью тоже придумал. Только не думал, что оно произойдет... Нет, так я запутаюсь. Сначала нужно рассказать факты, а потом их обсуждать. Но уж больно неожиданно все стало идти как по писаному. Буквально. И не так буквально, как обычно, когда так говорят, а на самом деле буквально.

Я просто пишу очередной фантастический рассказ. ВОТ ЭТОТ. По странному совпадению, речь в нем идет именно об источнике странных сейсмических сигналов под Нью Йорком. Точнее, у меня они распространяются из под Нью Йоркской бухты, на полкилометра дальше от берега, чем тот островок, на котором стоит статуя Свободы. Как всегда, я сочиняю рассказ мелкими кусочками, вечерами, много времени уделить не удастся. Поэтому, читая заметку в газете, я обнаружил, что продвинулся в своем тексте как раз до того места, где кончались опубликованные газетами сенсационные предположения («Возле Нью Йорка Готовится Извержение Вулкана! К Нам в Гости Едут на Лифте Подземные Жители! Черт Стучится в Потолок Ада, Пытаясь Пробить Его Своей Кочергой!»).

На самом деле, все-таки были и небольшие различия между рассказом и газетными текстами. Кроме слегка отличающегося расположения таинственного объекта, другими оказались фамилии. Ни одна из фамилий тех тринадцати сейсмологов, которые обнаружили объект, придуманных мной (Абвалов, Агитэ, Биэтэнгнэт, Бульжников, Джарринг, Тоссинг, Тоттер, Триллер, Трясунов, Флаттер, Фроб, Шимми и Эбранле) не совпала с подписью кого-нибудь из три-

надцати сейсмологов, опубликовавших информацию: Питер Борманн (Германия), Малкольм Вайте (США), Сергей Вербицкий (Украина), Дэвид Дженсен (Австралия), Александр Кендзера (Украина), Таими Мулдер (США), Сатоко Муротани (Япония), Рою Нику (Румыния), Бехруз М. Панахи (Азербайджан, Канада), Кензи Сатаке (Япония), Иван Сергеевич Сен (Сен Рак Се) (Россия), Г. В. Шевченко (Россия), Чарльз Шлингер (США). Но, как я тут же сообразил, радоваться рано. Это различие даже не должно, в принципе, означать, что мои взятые с потолка фамилии не совпали с реальными, ведь, конечно же, обнаружили явление рядовые сейсмологи, а обращаться от имени всех сейсмологов к человечеству должны были генералы от науки. Сочиняя рассказ, я упустил это простое соображение из виду. Но все таки, при всех различиях, тексты почти совпадают. Фамилии-то и не могли оказаться настоящими – я их все образовал от слова “колебания” в разных языках, значениях и вариантах. Шутка такая. Зато количество подписей – тринадцать – одинаковое. А ведь я его сделал таким только потому, что тринадцать – несчастливое число. Тоже шутка. Дошутился.

Хорошего объяснения этому я придумать сходу не могу, так что буду продолжать сочинять рассказ и сверяться с газетными публикациями, в надежде, что все как-нибудь прояснится. Скорее всего, они рассогласуются и придумывать ничего не придется.

А начало рассказа, в котором все это объяснялось с самого начала, я убрал. Со всеми фамилиями.

* * *

Как я написал дальше (и как услышал по телевизору и прочел в газете сегодня, в четверг), скорость подъема очага микротолчков составляет примерно шесть километров в сутки. Тем самым, когда вчера, в среду, было опубликовано заявление сейсмологов о «подземном кроте», через три дня после его обнаружения, он уже прошел три пятых толщины земной коры, составляющей в этом месте около 30 километров. Потому то они и рискнули вчера предстать перед всем миром в роли идиотов – чтобы не оказаться потом в роли предателей, когда таинственное «нечто» вынырнет на поверхность. Они и так заслужили многочисленные упреки в медлительности, как, собственно, и боялись.

Между тем то, что источник оказался не так глубоко, как раньше, позволяет, во первых, уточнить координаты эпицентра. Как я написал в рассказе с самого начала, он оказался не под самим Нью Йорком, а под Нью Йоркским заливом.

Во вторых, удастся, применяя тонкий математический анализ регистрируемых колебаний, выявлять уже не только сам источник, сначала представлявшийся в геофизических масштабах точечным, но и слабое эхо вслед за ним. Итак, это не точечный объект, а линейный, вертикальный стержень. «Подземный крот», он же «подземный лифт», едва успев родиться, преобразовался в «подземный бур».

Более того, зная скорость его продвижения и силу возбуждаемых им микроземлетрясений, оказалось возможным рассчитать диаметр стержня, правда, пока очень приблизительно: различные оценки дают от двухсот метров до пяти километров. При столь широких рамках неудивительно, что в них укладывается и придуманная мной цифра 666 метров.

Представить себе бур такой толщины трудно (особенно пятикилометровой!), но все таки можно. Именно такого порядка толщина подводящих магму каналов в вулканах. Сложнее представить себе существование в магме бурильной установки и ее строителей. От сейсмологов и геофизиков больше информации не было, предположения же прочих стали многочисленнее, но сводились, по существу, к тем же самым.

Возникли споры. Одни утверждали, что происходит “всплытие” какого то “очень легкого объекта”, прокладывающего путь магме, который вскоре вырвется из под земли и вызовет грандиозное извержение. Критики этой точки зрения справедливо указывали, что будь это даже

пузырь газообразного водорода, защищенный от схлопывания прочной, но тонкой и легкой оболочкой, подобную скорость всплытия трудно себе представить. Самую такую оболочку также представить себе очень трудно – никакой известный материал не имел нужной прочности.

Менее научное мнение о бурении коры земли подземными жителями распалось на разнообразные описания, по которым эти таинственные «подземники» являются потомками древней цивилизации Земли, загнанной под кору каким-то катаклизмом (конечно, теми же самыми, от которых погибли динозавры), либо инопланетными пришельцами, тайно основавшими свою базу там, где никто не мог бы их обнаружить, и т. д. и т. п.

Но преобладала религиозная точка зрения: происходит явление обычных обитателей ада – чертей. Те, кто ее высказывали, не стеснялись тут же и виновников указать. Вот, например, что заявил один физик христианин: «Мы слишком долго испытывали Божье терпение, требуя от Него доказательств Его существования; теперь, очевидно, мы получим их, но они нас не обрадуют, потому что получим мы их воистину от противного – от Его противника, который не станет церемониться с незадачливыми атеистами, напрасно воображающими, что они защищены своим неверием». Примерно в том же духе высказываются представители других конфессий и религий. Виновниками, кроме атеистов, оказывались представители других конфессий, а также своих, ведущие себя неправильно, по мнению данного проповедника. Например, у православных виновниками часто оказывались гомосексуалисты и прочие сексуальные меньшинства, «переполнившие своей мерзостью чашу терпения Господня». Те, впрочем, успешно отругивались, заявляя, что переполнили ее злые гомофобы, которые вскоре пожалеют, что ради навязывания всем своих сексуальных предпочтений забыли, что самое главное в христианстве – любовь.

Очень оживились сатанисты: в самом деле, им эта подземная активность дает доказательство не «от противного», а самое что ни на есть прямое – точнее, сможет дать, когда эта штука вылезет. Но они, как и все остальные, в своих выступлениях упирают на то, что уверовать в Черного Господина необходимо до того, а то будет поздно. Прежде выступления сатанистов в крупнотиражных СМИ были немыслимы, но теперь газеты и ТВ растерялись и выпускают на трибуну всех, кто заявляет, что знает хоть что-то о приближающемся подземном госте.

Я-то уже придумал, что это не природный катаклизм, не пришельцы со звезд и не черти, а просто нормальные такие жители магмы, но еще не успел написать.

* * *

Хорошо, – сказал я себе, опять не обнаружив существенных отличий передач и газетных публикаций от их описаний в этом рассказе, – надо все таки подумать, что может означать такое совпадение. Нужно придумать какое-то объяснение, пусть фантастическое. Лучше – несколько предположений. Тогда можно будет попытаться проверить их, различить экспериментально... Вот только думать трудно: мысли путаются. Надо записывать.

Пишу: предположение первое – случайное совпадение. Тогда, если я прекращу писать рассказ, события не прекратятся, и все станет ясно. Или можно для проверки начать писать не так, как я задумал, а написать что-нибудь... ну скажем... что-нибудь катастрофическое. Например, из под земли вылезет лазер, выстрелит в Солнце, и оно превратится в Сверхновую. Нет, лучше я этого не буду делать. Так я окажусь в положении ювелира, придумавшего жидкость для проверки истинности бриллианта, в которой настоящий бриллиант мгновенно растворяется, в отличие от подделки, которая остается невредимой. Или не окажусь? Ведь это и на самом деле, скорее всего, просто дикое совпадение. А вдруг не совпадение?..

Похоже, я уже оказался в положении дикаря, который разжигает по утрам костер, чтобы солнце встало. Он, может быть, и сомневается в том, что именно его костер вызывает восход солнца, но не может позволить себе проверить свои сомнения, отказавшись каким-нибудь

утречком, когда вставать особенно неохота, от привычного ритуала – последствия могут быть настолько серьезными, что лучше оставаться в неведении, но сохранять традицию, просто на всякий случай.

Ну хорошо, допустим, катастроф я описывать не буду. И все таки, что делать: писать как раньше, сделать перерыв, изменить сюжет? Например, на такой: таинственный объект сменил направление движения, утонул обратно под кору и исчез, и никто никогда потом так и не узнал, что это было. В том числе и я ничего никогда не узнаю, потому что, даже если так и произойдет, «случайное» объяснение совпадения моего рассказа с реальностью не станет ни более, ни менее правдоподобным по сравнению с тем, что я буду продолжать сюжет, как задумано...

Ладно, сделаю-ка я однодневный перерыв в написании рассказа. Вот только запишу еще возможное объяснение перерыва в бурении: просто отдых... ага, завтра пятница... то-то мусульмане обрадуются...

* * *

Пятница. Подземники и впрямь прекратили бурение. Колебания внезапно прекратились, и наличие бура более не обнаруживается. Геофизические методы могли бы обнаружить гравитационную аномалию – если вещество бура отличается плотностью от окружающей породы – но это не так быстро.

Сейсмологи также могли бы обнаружить бур, ведь, скорее всего, скорость звука в нем самом одинакова, а он расположен в породах, в которых она сильно отличается, быстро возрастая с глубиной. Но для измерения скорости звука надо, чтобы звук был. Иными словами, его можно будет попытаться обнаружить, регистрируя колебания, когда случится какое-то землетрясение или крупный взрыв.

Все же предполагается, что бур все еще там, потому что его извлечение также должно было бы сопровождаться подземными толчками, пусть и более слабыми.

Похоже, подземникам не коронку бура надо сменить – они просто устроили перерыв на отдых. Перерыв пришелся на пятницу. В результате в прессе и на ТВ, как я вчера и написал, большую активность проявляют мусульмане, заявляющие, что предписание отдыхать в пятницу выполняют даже жители огненного ада (хоть и скверное это обиталище!), и только упрямые кяфиры избрали днем отдыха кто субботу, кто воскресенье. Аллах видит этих нечестивцев и дает им последний шанс исправиться – пока шайтан не вышел на землю... Надо, видимо, так понимать, что шайтан выйдет и съест всех, кроме истинных мусульман.

Между тем перед сегодняшней остановкой бур прошел уже четыре пятых толщины коры и только один день отделяет его от поверхности, если он снова начнет двигаться с прежней скоростью.

Место, где он должен вынырнуть, определено с точностью до двухсот трехсот метров и совпадает с тем, что я давно придумал: от трехсот до восьмисот метров дальше от берега, чем статуя Свободы, прямо напротив нее (у меня в том начале рассказа, который я потом стер, было пятьсот метров).

Диаметр бура также определен точнее, чем раньше. Теперь это от четырехсот метров до полутора километров. Придуманный мной диаметр 666 метров не только укладывается в этот интервал, он еще и ближе, чем раньше, к его середине.

Так это что же значит, я все угадал точно? И цифры, и пятницу? Разве это может быть совпадением? В принципе, конечно, на этот вопрос нужно, как и раньше, отвечать: “да, может”. Ведь и раньше совпадение казалось совершенно невероятным. Но ощущение такое, что невероятно близкая к нулю вероятность этого стала к нему еще ближе.

И даже гораздо ближе.

Хотя, как ее подсчитать?

* * *

Суббота. За прошедший день (а также, честно говоря, и ночь) я придумал еще несколько гипотез, кроме невероятного совпадения. Сейчас сформулирую и запишу.

Вторая гипотеза (считая случайность первой) – я сошел с ума и все мне только кажется. Или не сошел, но все равно все только кажется. Тут много вариантов. Меня загипнотизировали (2.2, если считать сумасшествие за 2.1); я под действием наркотика (2.3); меня подвергли какому-то эксперименту по созданию в мозгу виртуальной реальности (2.4)...

Плохо во всем этом предположении (2) то, что непонятно, как его проверить. Гипотезу (1) о совпадении я мог проверять, придумывая случайные отклонения от замысла рассказа, а тут как?

То, что я ничего не помню о переходном периоде от обычной жизни к этому кошмару говорит не о том, что перехода не было, а о том, что мои воспоминания тоже ненадежны, что только естественно в такой неестественной ситуации.

С другой стороны, этот кошмар не такой уж кошмар. Если бы не совпадение придуманного с реальностью, сами происходящие события не такие уж ужасные – не страшнее приближения к Земле кометы или возобновившейся гонки вооружений. Да и в замысле рассказа, который пока у меня в голове, нет гибели всего живого на Земле. А ведь пока реальность (если это реальность, а не сон) совпадает с рассказом...

Можно также представить себе, и это уже гипотеза (3), что все происходит реально, но я неожиданно стал обладателем пророческого дара и в своем рассказе попросту предсказываю с большой точностью будущие события. Это объяснение происходящего, но плохое объяснение, потому что пророческий дар сам по себе требует объяснения! Потому что – парадокс вполне ожидаемый – хоть я и автор фантастических рассказов, но не верю по настоящему в возможность реального осуществления придуманных мной (или кем то другим, безразлично) сюжетов... По крайней мере, столь фантастических сюжетов. И с такой буквальной точностью. И притом именно сразу, как только события предсказываются. Кстати, пророк обычно уверен в правильности своих предсказаний, это окружающие ему не верят...

Наконец, можно предположить, что между рассказом и реальностью имеется какая то скрытая связь, которая и обуславливает их совпадение. И это самое вероятное. Но какая связь? Что на что влияет?

Первый вариант, то есть уже четвертый в общем списке. Я стал богом и реальность вынуждена прогибаться под мое творчество. Смешно и глупо. Абсолютно невероятно. Тогда уж скорее пророческий дар.

Второй вариант, то бишь пятый. Реальность, а конкретно – подземники – приобрела власть надо мной и заставляет меня писать то, что остальные узнают только из новостей. Это больше похоже на правду. Например, телепатия. Все таки она не столь явно издевается над известными законами природы, как детальное предвидение будущего. Итак, допустим, подземные жители телепаты и незаметно, под видом моих собственных мыслей, внушают мне, что писать. Отчасти это совпадает со второй гипотезой, но не совсем. Там я вообще ни в чем не могу быть уверенным – сама реальность, как я ее воспринимаю, модифицирована. А здесь мне всего лишь кажется, что я сам придумываю рассказ – на самом деле это чужие мысли.

Это не очень приятно, приятнее было бы стать богом... С другой стороны, от обоих вариантов пахнет сумасшедшим домом, и голос пришельцев в моей голове, тем более, неслышимый – и особенно при условии реального существования пришельцев – не такая большая психа, как мания моего божественного величия. Смешно: богом быть лучше, чем подопытным кроликом подземников, а психом, считающим себя богом – хуже, чем психом, считающим себя кроликом. Всякая палка о двух концах или, как говорят англичане, каждая медаль имеет оборотную

сторону. Русские, как оптимисты, усмотрели нечто положительное и в палке, а мрачные англичане нашли что-то отрицательное и в медали. Ну ладно.

Короче, хорошо, конечно, что вариантов так много. Пять, а если считать все варианты второго, еще больше. Но как их экспериментально разделить, пока непонятно. Придется сочинять потихоньку, как раньше, авось в процессе и появится мысль, как добиться различения.

Значит, решено. Пишу дальше.

* * *

Воскресенье. Пишу и тут же узнаю написанное в новостях.

Глубина расположения источника сейсмических волн уменьшилась до нуля – очаг совпал с эпицентром. Эвакуация жителей Нью Йорка завершена. Осталось только военные, готовые отражать агрессию подземников, когда те полезут наружу. На дне залива начинает вспучиваться холм. Конечно, военные весь район блокировали. Но им пришлось допустить проведение подводной съемки, и за явлением подземников наблюдает весь мир. Холм начинает вращаться, разрезается на куски и разваливается. Звуков не слышно: применять микрофоны военные запретили (и, как позже выяснилось, не напрасно – что-то они предчувствовали, что ли...). Показываются какие то зубья, как у машины, которая прокладывает туннели метро, только гораздо больше, каждый зуб метров по пятьдесят. Оказавшись в воде, диск с зубьями почти перестает вращаться, но продолжает медленно подниматься вверх. Оказывается, это, действительно, не диск, а металлический цилиндр с зубьями на конце. Диаметр цилиндра колоссальный – около 700 метров (я-то знаю, что 666). Похоже, сделан он из меди (да, так и есть – притом отожженной в смеси с металлическим водородом для обескислороживания). Металл довольно сильно нагрет – вода, соприкасающаяся с ним, закипает, так что цилиндр окружен слоем пузырей. Вскоре он поднимается над водой, образуя остров, постоянно растущий, с отвесными стенами. Передача переключается с подводной на обычную камеру – в облаке пара громадный медный цилиндр величественно является из-под воды и... продолжает вращаться и расти, медленно, но упорно. (Неужели на одно из военных судов, окруживших район, также пробрался телеоператор? Впрочем, на таком расстоянии от берега и при таких размерах цилиндра оператор может находиться и в Нью-Йорке. А вернее всего, отчаянные наблюдатели обосновались на обзорной площадке статуи Свободы. Тогда расстояние от них до медного цилиндра меньше его диаметра!). Все гадают, чем может кончиться этот рост. Может те, под землей, просто не знают, что уже прошли всю кору? Эксперты начинают подсчитывать, какова прочность цилиндра диаметром 670 метров (по уточненным, по сравнению, с «около 700 м», данным) и при какой высоте он начнет гнуться под действием силы тяжести – или он будет падать весь целиком, разрезая кору Земли по всей толщине?!

* * *

Между прочим, черт меня дернул придумать такую зловещую толщину – 666 метров! Пошутил, называется! И хорошо, что никому не пришло в голову измерить поточнее... И так, чувствую я, хлопот с верующими будет достаточно...

Написал “черт меня дернул”, стал писать дальше – и вдруг сам в испуге покосился на написанное с подозрением: а если и впрямь “черт дернул” – то есть внушил, что написать?

Картина 2. Кто пришел

Все вздохнули с облегчением, когда рост медного острова резко прекратился. К этому моменту цилиндр выставил над водой около километра сверкающей медной поверхности. Остров превратился в башню. По пропорциям довольно приземистую, с высотой всего в полтора раза больше толщины, но и так он возвышался над статуей Свободы, будучи на порядок выше ее. Если они там, под землей, ориентировались на ее высоту, то порядком промахнулись. Но, похоже, они все же знают, где у Земли граница (а это, скорее всего, значит, что у них тоже есть сейсмология), или они могут определить это по уменьшившемуся сопротивлению при бурении. Как тут же подсчитывают эксперты, сопротивление, конечно, должно быть колоссальным, но и сам по себе вес медного цилиндра, который надо выталкивать вверх, чудовищен – порядка десяти в одиннадцатой степени тонн, считая всю его длину, равную толщине коры. Как можно вытолкнуть такую массу металла? С другой стороны, они явно при подсчетах не учитывают вес скальных пород, будь он, скажем, больше веса цилиндра, его бы и выталкивать не пришлось – кроме преодоления трения, конечно, но тут вращение должно помочь – он сам стремился бы всплыть. Медь, конечно, тяжелее камней, но кто сказал, что цилиндр весь медный? Может, медный как раз этот километр, а остальная колонна... ну, скажем, из какого-то магниевого сплава? Тогда его суммарный вес будет таким же, как суммарный вес раздвинутых им пород коры. Эксперты, к которым обращались журналисты, или не настоящие эксперты – в конце концов, журналист, когда не указывает имени, может счесть экспертом кого хочет – или все это сказали, но журналисты любят сенсации и все эти подробности отмели как незначительные, а на самом деле, снижающими воображаемые возможности тех, кто там, внизу. А зачем их преувеличивать, они и так впечатляющие. Сооружение такой штуки более удивительно, чем ее выталкивание, а ведь это вряд ли все, чем они могут нас удивить. А то зачем бы и огород городить.

Между тем после остановки нагрев цилиндра еще усиливается, но, похоже, основной тепловой поток проходит в глубине цилиндра – кипение воды, соприкасающейся с ним, усиливается незначительно, а вот верхняя половина цилиндра вдруг начинает заметно подплавляться. Часть меди течет. И не беспорядочно. Образуется что то вроде гигантского лица с носом и провалами “глаз” по сторонам от него. Причем это лицо наклонено вниз, к расположенной у подножия медного цилиндра статуе Свободы, голова которой также украшена рогатой короной. Пародия? Случайное совпадение, обусловленное функциональным назначением цилиндра? Попытка добиться взаимопонимания с помощью имитации? Интересно, не принимают ли подземники статую Свободы за собеседницу? (Это корреспондентам интересно – я знал, что не принимают, и вполне понимают, что это такое).

Выглядит так, как если бы человек (надо сказать, очень толстый – просто бочка!) обратил внимание на стоящую рядом карлицу. Если толстяк имел бы рост, скажем, 180 см, то его толщина была бы почти 120 см, рост карлицы был бы меньше семнадцати сантиметров (высота статуи 93 м), а стояла бы она на расстоянии 90 см. Так что смотреть надо не то чтобы прямо себе под ноги, но почти. Что при такой толщине не так легко. А людям на обзорной площадке статуи приходилось смотреть чуть ли не прямо вверх (сама статуя Свободы, понятно, головы поднимать не стала). Надо сказать, с началом подплавления количество отчаянных парней на статуе сильно убавилось – вдруг весь цилиндр расплавится и жидкой медью зальет все вокруг?

Но лишняя медь, стекая с лица и застывая, только образует остроконечную бороду. В сочетании с многочисленными зубцами наверху, похожими то ли на корону, то ли на рога, получившееся лицо подозрительно напоминает черта. Ученых это, впрочем, наводит только на мысль, что аналогичные явления случались и в далеком прошлом, они-то и отражены в образах владыки подземного мира, Аида и мн. др. Гигантский медный цилиндр слишком уж не

похож на живого подземного жителя, шайтан он там или не шайтан. Их значительно больше заинтересовало, как возможна передача тепла по массивной медной колонне с таким малым выделением его с поверхности. То ли колонная внутри имеет сложную структуру теплопроводящих каналов, окруженных теплоизолирующими трубами, то ли изготовители колонны умеют управлять потоками тепла гораздо искуснее людей.

Подплавление меди на верхнем конце колонны продолжается. От боков головы отделяются огромные уши, отгибаются перпендикулярно поверхности цилиндра, принимают вогнутую форму, наклоняются вперед и фокусируются на статуе Свободы, будто слушая, что она скажет. Внизу лица проплавляется провал рта. Из него пышет жаром, который ощущается и на статуе, за полкилометра по горизонтали и метров восемьсот по вертикали, и голос (конечно же, это оказывается глубокий бас) по русски (!) произносит: “Нельзя ли поговорить с каким-нибудь представителем наземного государства?”...

* * *

Конечно, несмотря на принятые военными меры, на статуе Свободы прячется несколько корреспондентов, и происходит новая сенсация: черта сделали русские! И вообще, они пробурили Землю насквозь, со своей стороны! Русские, однако, решительно опровергают это (кто бы сомневался), а впрочем, требуют участия в переговорах с “чертом”, поскольку США не имеют права выступать от имени всех наземных государств, а именно это, очевидно, имеет в виду медная голова, полагающая, очевидно, что на земле существует лишь одно государство. Недаром она употребила выражение «представитель наземного государства», а вовсе не “представитель США”. Одновременно с русскими, имеющими преимущество обозначенного подземниками языка, те же требования предъявляют англичане, бельгийцы, венгры, греки, датчане, евреи, занзибарцы, итальянцы, йеменцы, китайцы, люксембуржцы, монголы, немцы, оманцы, поляки, румыны, сирийцы, турки, угандийцы, французы, цейлонцы, чехи, шведы, эквадорцы, югославы, японцы и другие буквы национального спектра. США полагают, однако, что это выражение следует истолковывать как «представитель данного наземного государства», то есть все-таки США. Начинается лихорадочный обмен дипломатическими нотами и высокопарными заявлениями для прессы.

* * *

Между тем на обзорную площадку статуи Свободы поднимается госсекретарь в пожарном костюме и с мегафоном. Выясняется, впрочем, что мегафон не нужен – удивительные медные уши улавливают даже тихий голос. К сожалению чиновников и военных, голова не может и говорить так, чтоб ее слышал только госсекретарь, так что секретных переговоров не получится. В секрете можно бы попытаться сохранить только слова американской стороны, да и то если голове не придет в голову переспросить. «Как как вы сказали? Скрыть переговоры от народа?» – и конец карьере. Да еще плохо будет на ближайших выборах партии госсекретаря. Не помню, кстати, демократ он или республиканец. Даже не знаю, обязан ли госсекретарь быть из той же партии, что президент, или, наоборот, из противоположной (утешительно и позволяло бы всем принимать участие в политике, но контрпродуктивно для принятия решений). Или вообще не обязан быть из какой-то партии.

* * *

Прежде всего выясняется причина появления головы – переговоры. И цель переговоров. Подземных жителей беспокоит сверхглубокая скважина, которую американцы бурят на Огненной Земле. Они хотели бы договориться о закрытии проекта совсем – например, в обмен на предоставление данных о нижележащих слоях. Причем обещают более полные данные, чем могло бы дать продолжение бурения. Пока же они просят прекратить бурение хотя бы временно. На время ведения переговоров.

Интересно, не имел ли в виду эту ситуацию БГ, когда написал про “у нас всегда кто-то сверлит. Может скинуться, чтобы они перестали сверлить?”? Тогда “они” – американцы, а скинуться, значит, хотят подземцы. Нет, вряд ли. Если тут и есть совпадение, оно не идет с моим ни в какое сравнение. Это так, желание разделить с кем-то ответственность.

* * *

Переговоры не могут как следует начаться, потому что непонятно, каков статус головы. По ее словам, она представляет собой переговорное устройство нижних жителей. Сами они не могут появиться здесь – для них поверхность планеты смертельно холодна. (На самом деле, вероятно, им для существования и давление требуется огромное, но сами они этого не знают, ведь у них просто не могло быть случая оказаться при низком давлении).

В принципе, разговор по переговорному устройству вполне допустим. Почему бы госсекретарю не поговорить с пришельцами по телефону – пусть телефон и представляет собой раскаленный медный стержень более чем полукилометровой толщины, тридцатикилометровой длины, и снабжен издевательским, по нашим представлениям, набалдашником?

Хуже другое. По своей природе подземные жители существенно медленнее наземных (они бы не хотели отвечать на вопрос, во сколько раз именно), так что с госсекретарем говорит не аналогичный чиновник подземного мира, а искусственный интеллект. Это думальная машина, которой подземный программист заранее надиктовал варианты реплик в зависимости от реплик госсекретаря. Вариантов очень много, а в случае выхода за пределы запрограммированного сценария компьютер попросит время на раздумье и подвергнется дополнительному программированию. Такое ведение переговоров подземники считают единственно возможным в данном случае. Госсекретарь не уверен, что этот «единственно возможный» способ приемлем. Он может, конечно, для выравнивания условий также прибегнуть к помощи компьютера или чиновника поменьше рангом, чтоб передавал его реплики в рамках предвидимой ситуации, а можно и не делать этого – собственно говоря, именно так, как это переговорное устройство, ведут себя послы, разве что в качестве посла никогда еще не выступал компьютер. Пусть так. Но, спрашивается – смешно сказать, однако традиция есть традиция – кто подпишет со стороны подземников соглашение, если оно будет достигнуто? Эта рожа, вероятно, может вырастить манипулятор, но, чтобы быть подвижным, он должен будет подогреваться до мягкого состояния, а тогда он не сможет взять ручку, не испортив ее, и, даже если ее специально изготовить из чего-то тугоплавкого, из чего сделать чернила, чтоб не закипели, и бумагу, чтобы не обуглилась? С другой стороны, госсекретарь как то не привык подписываться, скажем, расплавленным металлом на мраморной плите. Но и это не главное. Чья вообще подпись будет стоять под документом? Как определить, что данное лицо (вот уж, действительно, “лицо”!) является уполномоченным лицом, если оно само бормочет что-то неубедительное о переговорных устройствах и компьютерах?

Переговоры оказались неподготовленными и погрязли в технических подробностях. Госсекретарь (с жалобой на заболевшую шею) скоро уходит с площадки, оставив чиновника про-

токольного отдела для согласования технической стороны ведения переговоров. В помощь ему остаются переводчик и несколько экспертов, среди которых есть даже один геофизик.

* * *

Между тем голова, некоторое время прождав, пока переговаривавшийся с ней чиновник выяснит какие то очередные затруднения по телефону, и убедившись, что скоро эти затруднение разрешены не будут (чиновник ушел на обед), распахивает свои раскаленные медные уши пошире – всех обдает дополнительной порцией жара – и спрашивает чуть погромче обычного – собственно, ее и так прекрасно слышно на расстоянии нескольких сотен метров, но она, видимо, хочет подчеркнуть, что обращается не к ушедшему чиновнику, а к прочим присутствующим: «Парни (на самом деле среди корреспондентов есть и корреспондентки, нашлись достаточно храбрые дамы, но, поскольку вообще непонятно, видит ли медный идол хоть что-нибудь, никто не высказывается на тему, что он проявляет сексизм таким обращением, тем более что пока никто не разрешал корреспондентам попытаться проинтервьюировать идола и он не слышал их голосов), не знаете ли, как мне поговорить с Болеком Рунковским? Это прекрасно скрасило бы время ожидания. Я знаю, чиновникам, как и всем разумным существам тут, наверну, надо есть и спать, но мне то не надо. Болек Рунковский, сокращенно Бо Рун. Понятия не имею, в какой точке земного шара он находится. Русский. Ведь этот язык, на котором я говорю сейчас, русский, не так ли? Кандидат физико математических наук – что бы это тут у вас, живущих в пустоте вне Мира, ни означало. Занимался какое то время назад научными исследованиями в области технологии новых материалов для электронной техники – если это вам о чем то говорит». – И голова умолкает. в ожидании

Чиновник, временно замещающий протокольного чиновника на случай возникновения каких то вопросов, докладывает. Журналисты сообщают. Начинается множество официальных и частных розысков. Понятно, любой шанс получить дополнительную информацию очень ценен для всех, а что это именно такой шанс, чувствуют опять таки все.

* * *

На самом деле этот ход, понятно, придумал я сам. Скажет она то, что я написал, что она якобы сказала, даже если это чушь, или нет? Оказалось, да! А пришло мне это в голову, наверное, потому, что очень захотелось своими глазами убедиться в том, что эта медная голова реально существует. (Если существует – с некоторого времени я сомневаюсь вообще во всем). Яснее мне ничего не стало. Надо думать дальше.

Беседа α. Контакт с героем в мантии

В мире что-то не так – или это у меня в голове?
(Б. Гребенщиков)

Воображение или собеседник? Русский как иностранный. В магме, словно в воде. Контакты – путь в Бедлам. Лженаука сейсмология. Цветной звук.

Я представил себе существо, живущее в пустоте – почему бы и нет, представить себе можно что угодно – которое, в свою очередь, представляет себе меня. И, таким образом, мы можем общаться.

Я считал, что уже пора. Из их сети, как они это называют, я уже натаскал много информации, в том числе, несколько языков из множества имеющихся. Зачем им вообще не один язык, тем более, так много, я не понял, и решил, что это и будет первой темой для беседы.

Представленный мной индивидуум выглядел как я, хотя я на самом деле знал, что их форма иная – и довольно неприятная. В свою очередь, он в мысленной беседе представлял меня похожим на него, а о том, как я выгляжу на самом деле, не знал.

– Скажи, почему ваша языковая нелогично устроена, – сказал ему управляемый мной образ на слегка модифицированном русском языке, – ведь у вас их так много, разве не давно пора привести в систему их отличия друг от друга? Кто, скажем, в японском предпочитает не сдвигать согласные, а вы могли бы это делать, ну хотя бы две префиксы в слове. А если удвоены гласные, то одну ликвидировать. Кто я так делаю, и ведь ты же меня принимаешь?

Собеседник в своем облике отобразил понимание, хотя и не сразу.

– Видишь ли, – отвечал он мысленно, успевая вторым слоем удивляться, что сходу начал «тыкать» незнакомцу, хотя обычно ему требовалось очень много времени, чтобы перейти с кем-то на «ты», а иногда и вообще не удавалось, даже если хороший знакомый или даже родственник уже слегка обижается, вот, например, с его родным дядей Сережей (на будущее – прояснить некоторые их родственные отношения, например, кто такие тетиничи и стрьевичи... казалось бы, у них не должно быть с этим намного сложнее, чем у нас? А на деле очень запутано), так вышло, притом, что у него очень похожий литературный вкус – собственно, от дяди и заразился любовью к фантастике – а это очень много, когда всегда есть о чем поговорить, когда обоим интересно, не правда ли? Но в детстве он общался с ним редко, когда изредка приезжал в Москву, и он был ну очень большой, если бы было что-то одно из этого, он бы, наверное, с собой справился, а так не вышло, а потом привык, и трудно стало преодолевать уже привычку. Так и звал дядей Сережей, и на «ты» перейти не смог. Почему-то ему более естественным кажется обращение на «вы», а на «ты» – это в каких-то исключительных случаях. Скажем, на работе принято с коллегами, с которыми работаешь в одной комнате (коллеги – понятно, комната – не очень), общаться по имени, но притом на «вы», а с которыми в разных – еще и по имени-отчеству. Это упрощенно, конечно. Старые знакомые и там на «ты». Но они там, в большинстве, окончили тот же ВУЗ, в котором работают, и многие учились вместе, а он – нет...

Но тут я увидел, что он сообразил: мало того, что меня он сам себе представил, это-то не дает, как ему кажется, прав на панибратство, по крайней мере, одностороннее. В конце концов, права у нас одинаковые – я тоже думаю, что создал его в своем воображении. Дело было еще и в том, что мое «ваши языки» было обращено не к нему одному, а к ним, людям, даже народам, так у них называются большие (а иногда и малые) группы, пользующиеся разнообразными языками. А ему надо было отвечать именно мне, про мой «народ» он еще ничего не придумал,

может, я тут вообще один такой, как Солярис у Лема, подумал он (о! я это читал! очень похоже на то, как некоторые философы описывают Жар). Неважно, потом выяснится, а пока – если у меня и есть народ, или даже много народов, то он-то обращается не к ним, а ко мне, и, чтобы не запутаться, должен обращаться на «ты».

– Понимаешь, – мысленно сказал он своему мысленному собеседнику, а на самом деле мне, – ты сам говоришь, языков очень много. И они и так отличаются, бывает, довольно сильно. Сдваиванием двух первых согласных в каждом слове ты, может, и отдалишь русский язык от японского, но приблизишь, скажем, к польскому. А он и так ближе к польскому, чем к японскому. А вообще-то, я не лингвист, и не переводчик, не знаю ни японского, ни польского, и могу наврать. Это я так про польский сказал, например. А что тебя так сразу на исправление языка потянуло? Неужели нет более важных тем?

– Ндо же с что-то нчать рзаговёр, – отвечал я через существо в его воображении, – пчему бы не с этго? Впрочем, я чувствую, тбя все же нменого рзадражает нбебходимость бсытро на хду рсашифровывать мя рче. Я ошбися, она для тбя не тка уж понтяна, кка, мне кзалось, дложна бла бти. Во всяком случа, не мгновенно. Лдано, ддяше бду нромально гворить. Это ткая штука бла.

– Буду очень признателен, – сказал он, – тем более, у тебя уже и недостаток такого преобразования проявился: слова «шутка» и «штука» перестали отличаться. А кто ты и как ухитрешься жить в таких суровых условиях? И откуда знаешь русский? И как со мной говоришь? И...

На втором плане он опасался услышать в ответ «сам придумывай, это же твой сон» – как в анекдоте, который он тут же вспомнил, когда женщине снится, что по пустой ночной улице за ней гонится мужчина, она вбегает в какой-то подъезд (видимо, анекдот придумали до всеобщего распространения кодовых замков – это же на третьем плане, который обычно не слышен), добегают до последнего этажа, тут он догоняет ее, прижимает к перилам, она в страхе спрашивает: Что вы собираетесь со мной делать? – А он отвечает: Не знаю, мадам, это же ваш сон. (Ох уж эти взаимоотношения «женщин» и «мужчин»! – думаю я). У него получился бы такой же облом, как в анекдоте. Но он надеялся, что будет что-то более интересное. Потому и нагромодил так много вопросов сразу. И я (его подсознание?) его ожидания оправдал. Перебил его (подсознание разве может?.. а впрочем...), когда он собирался продолжать в том же духе.

– Стой-стой, не так быстро. Не беспокойся, я отвечу на твои вопросы, как и, надеюсь, ты ответишь на мои. Хотя, согласен, сейчас мы не в равном положении, я знаю больше, так что расскажу о себе сперва я, – пообещал я, – а потом, наверное, было бы правильно установить какие-нибудь одинаковые интервалы. Скажем, по часу ответов на вопросы с каждой стороны, а?..

* * *

На самом деле, хотя мой образ исчез из его сознания сразу после того, как я рассказал о себе, но я еще некоторое время ловил остаточные сигналы, пока настройка фильтров уплывала. И уловил, что остаток разговора он в виде диалога не запомнил и собирается записывать, как запомнилось, итоги. А в следующий раз собирается заpastись тетрадкой и конспектировать. Проще было бы набивать текст, но ведь картинки долго рисовать. А некоторые образы и нарисовать ему трудно. И вопросы он решил задавать не такие, про все подряд, а то даже трудно упорядочить...

Но основная проблема, для него очень важная, а по-моему, какая-то вторичная, была в том, что он оказался не в состоянии отличить воображаемый телепатический, как он его называл, разговор от реального. Ему казалось, должны быть какие-нибудь способы, но в процессе общения он их не придумал. То, что он не может отличить наши «голоса», естественно, он

понимал, что я, собственно, пользуюсь его голосом. Но вот откуда я, если я порождение его воображения, беру ответы на такие вопросы, на которые он ответов не знает? Нужна довольно высокая степень двоемыслия (на втором плане «Оруэлл»... – надо и мне найти и прочесть!), чтобы задать вопрос, на который на самом деле знаешь ответ, но, пока задаешь, забыть и ответ, и сам факт, что его знал, чтобы воспринять ответ как новый для себя. А если таких ответов много, это уж совсем странно. Придется пока что считать, решил он, что собеседник реально существует, а то, что для контакта с ним мы должны представить себе друг друга – как бы выдумать – это просто такая особенность этого способа контакта. Хотя она и наводит на сомнения по его поводу...

Он правильно представлял себе еще до рассказа, что я живу «в земных недрах» (это у них называется «направление вниз», т. е. к центру Земли, но по ощущению это просто то, куда движется под действием притяжения Земли предмет без опоры. А Земля – это и Жар, и Мир, и Хлад, но не пустота вокруг Хлада). Но не так, как морлоки, гномы, черти и прочие порождения их фантазии, в обширных пространствах в Хладе. Или не обширных, а тесных пространствах, неважно, главное – пустых. И даже не как черви или индрики, прокапывающие ходы, зарастающие за ними. Я и мои соплеменники плаваем в расплавленном веществе глубин, и сами, собственно, сделаны из этого вещества – примерно так же, как они, бывшие и настоящие жители океана, состоят на восемьдесят процентов из воды (у нас довольно редкое вещество, а у них есть большие его массы).

Нельзя, впрочем, сказать, что мы не имеем совсем никакого отношения к гномам и чертям. Этот наш контакт не первый в истории человечества, а поскольку каждый контакт происходит именно так, при сосредоточенном одновременном размышлении друг о друге, то люди чаще всего пугались и демонизировали собеседников, представляя их себе в меру своей фантазии более или менее страшными, после чего бежали к ближайшему шаману, жрецу, священнику или психиатру с воплем: «Помогите! Духи, души умерших, бесы, порождения бреда одолевают!» И те помогали: убеждали не обращать внимания, сосредотачиваться на другом, например, молиться или интересное кино посмотреть. Контакт становился неинформативным и прерывался. Или не помогали: если человек внушаем, так сказать, с любой стороны, он мог невольно продолжать отвечать на вопросы заинтересовавшегося их миром «подземного» жителя. Мог, если тот был неосторожен, свихнуться со страха, мог и вылечиться, если тот оставлял его в покое. Когда мы стали более цивилизованными, то отставали, чтобы не причинить вреда, чаще. Бывало всякое, некоторые пустотники даже расспрашивали, в свою очередь, но вот научных сведений, чтобы правильно интерпретировать ответы, у них не было.

Ему, впрочем, тоже, кажется, научных знаний сильно не хватает.

Для начала: он считал абсолютно точно доказанным, что мантия Земли (наш Мир) – твердая. А тогда как же мы в ней живем?..

Дело в том, что сейсмологи давно ловят распространяющиеся в земных породах продольные и поперечные волны, продольные, такие же, как звук в воздухе, могут проходить и сквозь жидкость, а вот поперечные – только в твердых телах, потому что в жидкостях (а тем более в газах) связи между частицами недостаточно сильные, чтобы смещение какой-то частицы вещества вбок (по отношению к направлению движения волны) вызывало такое же смещение в ту же сторону у следующей. Именно так было обнаружено, что в центре Земли находится жидкое ядро (Жар): через него поперечные волны не проходят, только продольные. И если ловятся волны от определенного сотрясения коры (Хлада), то на противоположной стороне Земли образуется тень от Жара, в которой поперечные волны не фиксируются, в то время как во всех точках поверхности вне этой тени отлично ловятся поперечные волны, прошедшие по прямой от точки, где они были испущены. По поверхности тоже распространяются волны (и, кстати, тоже поперечные), но у них и скорость меньше, и путь длиннее, в общем, их тоже ловят, но легко отличают от тех, что прошли прямо через Мир.

Да, когда-то правильно считали, что он жидкий, на основе простого соображения. Ведь из вулканов течет лава, значит, она-то и есть под корой. Но вулканы на самом деле не противоречат твердой мантии. Среда Мира, как теперь считается, твердая – но только при том громадном давлении, под которым она находится. Температура у нее тоже очень большая, так что, стоит снять давление, а это и происходит в вулкане, вещество течет... Конечно, не оказавшись достаточным доказательством жидкой мантии, вулканы не превратились в доказательство того, что она твердая, но именно так действует психологический механизм разочарования в каком-то аргументе.

Есть еще теория дрейфа континентов (большие куски Хлада движутся друг относительно друг друга). Но тут, объясняют сторонники твердости мантии, сказывается другой временной масштаб. Стекло (знаю, читал) тоже твердое, если по нему стукнуть молотком (вот это понятие специфично для живущих в пустоте: удар, нанесенный не волной, а твердым телом, скорость которого не ограничена средой), оно рассыплется на острые осколки (острые – имеющие настолько тонкие края, что при легком соприкосновении с ними разрезать тело... специфичная для низкой температуры опасность). Но по прошествии веков вертикально стоящие стекла делаются снизу толще, чем сверху, под действием всего лишь силы тяжести! Так и с твердой мантией. То, что на резкий удар отзывается как твердая горная порода, на протяжении миллионов лет все же проявляет пластичность, достаточную, чтобы плиты заметно сдвинулись.

Кроме того, играет роль и огромный пространственный масштаб происходящего. В конце концов, вся Земля ведет себя как капля жидкости, принимая шарообразную форму; то же происходит с Луной, а уж Луну вряд ли можно заподозрить в том, что она жидкая. Просто в планетарных масштабах никакое вещество не является твердым, способным сохранять форму, в том же смысле, как оно не способно сохранять форму миллионы лет.

Наконец, эффект невелик. Кажется, берега Америки и Африки, практически повторяющие очертания друг друга, удаляются со скоростью в сантиметры в год?.. Как бы мог получиться у него разговор с существом, «плавающим» в такой среде? У него и скорость жизненных процессов была бы по сравнению с ними очень замедленной, и думало бы оно с соответствующей скоростью...

Тут он, кстати, оказался не совсем прав: мы и правда двигаемся медленнее их, хотя и не сантиметры в год, разумеется, а вот думаем несколько быстрее их. Даже, пожалуй, существенно быстрее, привычная скорость беседы получалась потому, что мне приходилось переводить в обе стороны. А перевод тут сложнее, чем при разговоре человека с другим человеком. Естественно.

А скорость нашего передвижения измеряется не сантиметрами в год, потому что Мир все-таки жидкий. Хотя и более густой, чем их вода.

А как же, спросил он, поперечные волны?

Они распространяются не только в твердом веществе. В жидкости они могут идти по границе двух сред, например, волны на поверхности воды (граница с пустотой) от катера (средство для перемещения по поверхности воды) – поперечные. Я рассказал ему, как в Мире возникают многочисленные границы областей с разной плотностью, ориентированные притом именно так, чтобы по прямой донести сотрясения от землетрясений до различных участков поверхности.

Есть в Мире такое явление, как плюм – восходящий от границы с Жаром к границе с Хладом поток или некая масса более горячего вещества. Об их существовании люди уже догадались по наличию на поверхности цепочек вулканов, из которых, причем, на одном конце цепочки вулкан действующий или потухший недавно, а на другом конце – самый древний из них, и, соответственно, промежуточные вулканы в цепочке имеют промежуточные сроки функционирования. Эти цепочки, кстати, служат аргументом мобилистам (сторонники теории дрейфа тектонических плит). Плюм, дескать, привязан к Жару и Миру, а Хлад по этому месту проползает, вот и образуются вулканы один за другим.

Кроме исключительно крупных плюмов, образующих на поверхности вулканы (действительно, подействовать через Хлад – это надо иметь очень большую энергию!), есть еще множество мелких, о которых они не знают.

О чем, кажется, вообще не догадались, впрочем, мы с ним можем просто не знать соответствующей литературы, если она немногочисленна, это об антиплюмах: объемах или потоках более холодного вещества, чем окружающая среда, опускающихся вниз. Они тоже бывают побольше и поменьше.

Более того, кроме таких явлений с четко оформленной структурой, упорно пролагающих путь, соединяющий Жар и Хлад, есть еще некие аналоги солнечных протуберанцев (видел картинку, поразился ее сходству, потому и привожу такой пример, хотя само по себе Солнце – объект трудно воображимый), или, если они отваливаются от области у Хлада, антипротуберанцев, которые могут проникнуть в среду Мира на некоторое расстояние и потерять нужную для продолжения пути температуру, после чего рассеяться или даже повернуть обратно.

Тут я ошутил, что рассказываю слишком медленно, и заспешил. И, наверное, зря, потому что он тут же отметил себе, что надо потом расспросить подробнее, как влияет явление перекристаллизации... точнее, это в их терминах перекристаллизация... поскольку речь все же о жидкости, все эти явления касаются только ближнего порядка в ее структуре... В общем, из одних и тех же атомов кремния, кислорода, алюминия и других можно сделать, при одном и том же составе, разные пространственные конфигурации... э-э-э... ну пусть будет кристаллической решетки, хотя кристаллическая решетка в жидкости... м-да... а хотя, бывает же она у жидких кристаллов... (Воннегут придумал, вспомнил тут он, некую конфигурацию атомов водорода и кислорода, образующую «лед 9» – высокотемпературную модификацию льда, которая погубила или почти погубила всю жизнь на Земле, когда вырвалась из-под контроля, попала в океан и превратила всю воду в этот самый «лед 9». Труднее представить себе, что и в жидкой воде могут быть какие-то устойчивые конфигурации атомов. Относительно устойчивые, все время распадающиеся и соединяющиеся по-новому. Тут он с раздражением вспомнил лженауку о «памяти» воды, которую развивают гомеопаты: дескать, да, мы разбавили свое лекарство до такой степени, что только в каждую миллионную гомеопатическую таблетку попадет одна его молекула, но остальные таблетки тоже обладают полезным действием, так как вода, в которой растворяли лекарство, в своей структуре запомнила его и воспроизводит его действие. Еще бы они не обладали полезным действием, особенно для кармана гомеопата, ведь для производителя они очень дешевы, была бы вода из-под крана, и годятся для лечения чего угодно с равной эффективностью. Более того, он не мог отрицать, что у них может быть полезный эффект даже для больного, ведь самовнушение – великая вещь. Но вот зачем гомеопатия для животных? И ведь ветеринары ее всерьез предлагают. – Расспросить про полуразумных. Возможно, у них они играют такую же большую роль в обществе, как у нас).

По мере путешествия от Хлада к Жару или наоборот вещество плюма или антиплюма испытывает влияние температур и давлений, настолько же сильно отличающихся по величине друг от друга, насколько, скажем, условия на поверхности отличаются от условий непосредственно под многокилометровой корой (столь малая толщина Хлада – порядка 30 км – это был очень большой сюрприз для меня). Достаточно сказать, что плотность среды у коры около 3,5 мегаграмм на кубический метр, а вблизи ядра – около шести. В результате меняются расстояния между атомами и какие-то элементы их взаимного расположения. В целом это и приводит, естественно, по мере приближения у ядру, ко все большему увеличению плотности. Но увеличение плотности происходит и само по себе, непрерывно, из-за повышения давления и сближения атомов при сохранении взаимного расположения. А в связи с очередной перестройкой на определенной глубине оно происходит резко. Еще Демокрит говорил, вспомнил он, что вещество определяется, в основном, набором атомов, которые сами по себе практически есть их формы, $\rho\upsilon\sigma\mu\delta\varsigma$ у Демокрита, $\sigma\chi\eta\mu\acute{\alpha}$ у Аристотеля, так как вещество, из которого

они состоят, у них одинаково, то также их ориентацией в пространстве, или «положением», соответственно, τρῶτῃ у Демокрита, θέσις у Аристотеля, и, наконец, их взаимным расположением, или «порядком», соответственно διαθιγῆ и τάξις. Надо будет его спросить, откуда у него сведения о том, что как называется по-древнегречески, если он не лингвист и не историк – что-то связанное с написанной им книгой о происхождении термина ἄτομα в древнегреческом языке. Сам я не успел ознакомиться с древнегреческим и не предполагал, что общение с данным собеседником, по образованию – физиком, этого потребует. Хотя произнесение им этих слов про себя вызывало у него ассоциации с более знакомыми русскими словами «схема», «тропа», «тезис» и «тактика». Правда, у него все слова вызывают ассоциации, и в большей части случаев не относящиеся к делу. Как сам он тут же вспомнил – поскольку добрая половина этих моих мыслей до него дошла – разговоры о ремонте одновременно на двух квартирах (если будет время, расспросить, в чем суть ремонта квартиры – это что, они не только вынуждены строить себе жилье, гораздо более постоянного, чем сеть для сна, но и исправлять повреждения этого жилья? в сети куча шуток про ремонт – похоже, им вынуждены заниматься все), а при этом домашних животных пришлось бы выдворить на дачу, вызвали у него фразу «почти из Шекспира» «ремонт на оба ваших дома!», и при этом он вспомнил, что классификация жилищ местных жителей в Туве вызвала у него почти такое же высказывание «чумá на оба ваших чумá»...

Детальные сведения о структуре вещества мантии в разных условиях он заметил себе на будущее спросить и записать. Геофизики с руками оторвут. И технологи, пытающиеся вырастить кристаллы прочнее алмаза. Они, правда, всюду докладывают, что уже сделали это, но не могут продемонстрировать сами кристаллы. У них есть только царапины на алмазной пирамидке, используемой в аппарате создания давления и измеренная скорость звука больше, чем у алмаза. Потому что чудесные кристаллы появлялись в процессе сжатия с вращением фуллерита, каковой процесс окончился получением алмаза, а то, что там было в промежутке, увы, тоже превратилось в алмаз.

Это, понятно, если ему удастся убедить их, что данные достоверны, что сомнительно. Но вдруг там будет что-то, что даст ответы на их проблемы?

Так вот, при изменении структуры происходит выделение или поглощение тепла. При большинстве этих «перекристаллизаций» оно устроено так, что помогает плюму или антиплюму продолжить свой путь. Плюм, совсем было уже остывший, снова подогревается, а антиплюм охлаждается. В большой степени этим и объясняется их способность преодолеть три мегаметра пути.

При движении плюм или антиплюм создает вокруг себя зоны повышенной или пониженной температуры, имеющие форму вложенных конусов. Границы между конусами, в особенности, если они сопровождаются перекристаллизацией ближнего порядка, предоставляют условия для распространения по ним поперечных волн.

Представим себе теперь плюм (антиплюм здесь не подходит). (Он не только представил, но потом, по итогам беседы, сделал мультфильм и я его посмотрел. Забавно. К сожалению, я не могу никаких картинок ему показать, а жаль. То, что он видит меня, да еще похожим на себя, работа не моя, а его собственного воображения). Вот плюм всплывает, занимая значительное пространство мантии своими конусами, и упирается в Хлад. Ясно, что в этом месте Хлада и будут происходить землетрясения, и отсюда их поперечные волны (вместе с продольными) разбегутся по границам конусов во все точки коры, кроме, разумеется, ядра и того, что за ним – ведь там не было самого плюма, и нет созданных им условий для поперечных волн. А продольные волны доберутся и туда, им границы между слоями среды с разной температурой и плотностью не нужны. Пройдут сквозь Жар, который и правда жидкий, опять через Мир и будут зарегистрированы на той стороне Хлада.

Это что касается опровержения их сейсмического доказательства твердого состояния Мира.

Мы пользуемся множеством мелких границ раздела слоев мантии от плюмов, антиплюмов и фонтанов (протуберанцев) плюс все то же самое с приставкой «микро» для звуковой локации, причем то, что тут возможны поперечные волны, дает нам возможность использовать поляризацию звука в разных плоскостях. Кроме того, звуки разной частоты по-разному распространяются и отражаются от объектов разной формы, размеров, температуры и даже разного химического состава. Добавьте доплеровский сдвиг от движущихся объектов (его и у пустотников уже некоторое время используют при УЗИ, например, для определения скорости потока крови в сосудах, а не только при локации электромагнитными волнами всяких там самолетов и танков), и мы получили вполне полноценную замену их зрения, с цветом, фактурой «освещаемой» поверхности, «металлическим» или «стеклянным» блеском и пр., а то и превосходящую по разнообразию возможностей. Пространственное разрешение, конечно, не такое хорошее, ну так для ориентирования в окружающей обстановке и вам хватило бы. Вот если нужно нитку в игольное ушко вдевать, звуковое зрение не годится, разве что не нитку, а канат. А мы тут в среднем крупнее их. Вот оптический микроскоп несравненно лучше звукового, тут не поспоришь. Ну а если границ разделов сред очень мало, а имеющиеся не так расположены, чтобы пользоваться ими для локации и «зрения», приходится пользоваться только продольными волнами, как их дельфины и летучие мыши, вынужденные довольствоваться только таким звуком в воде и в воздухе.

Уфф. Вот так обстоят дела с тем, как вообще возможно наше существование.

И что, тут же думает он, я мог это сам незаметно от себя придумать и забыть об этом? Не смешите мои тапочки. (Интересное выражение. У него ассоциируется с городом Одесса. А я бы скорее подумал на их Кэрролла, у него Алиса собирается писать письмо своим ботинкам или что-то такое? Не помню. Вредно читать так быстро!)

Беседа αα. Вопросы педагогики

*Ну и зачем, зачем меня сделал-то?
Ну и пошто, пошто да недоделал-то?*
(«Аукцион»)

Вопрос воспитания. Идеального нет (и хорошо), потому что ребенок – экспериментатор. Примеры из его детства.

Но если туп, как дерево, родишься баобабом, и будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.
(В. Высоцкий)

А у нас есть. Размножение делением: отпочковывается радиоуправляемый робот. Постепенно очеловечивается. Телепатия – это разумная фильтрация шума. Не спим. Мыследействия. Этапы развития личности. Опасности педагогики. Они – основа нашей теологии. Я – трудный ребенок. Соблазны приближения к ядру и к коре. Обитаемо ли ядро (как думают теологи)? Пример сомнительной истины, подвергнутой мной оценке: неизменность прямого и обратного потоков плюма. На будущее – я и в компы лазаю?

В прошлый раз мы решили, что раз в первой беседе я (он решил условно называть меня Тор, с переводом наших имен мы еще не разобрались) отвечал на его вопросы, а дальше мы будем делать это по-очереди, то пусть на второй раз сперва я спрашиваю, а потом он.

Появившись через день, я стал (неожиданно для него) задавать вопросы об их детях. Как они их воспитывают и обучают. В основном сосредоточился на раннем возрасте, когда они вообще то ли уже осознают себя, то ли еще нет. Притом, в раздражении подумал он, я, как он сразу понял, предварительно прочел что-то об их педагогике и детской психологии, а он-то нет! Но он, в основном, подтвердил мой вывод (который мне самому казался настолько удивительным, что я в него не верил), что толком неизвестно, определяется ли человек больше генетикой или окружением: родителями, книгами, школой, уличными друзьями, телевизором, компьютерными играми... Все это, включая генетику, может сыграть значительную роль или не сыграть почти никакой.

Более того, он не скрыл от меня, что в современном мире не был бы рад большим успехам в изучении этого вопроса, потому что они тут же были бы использованы, скорее всего, государством для воспитания идеальных подданных, и, вероятно, результат был бы ужасен, независимо от того, был бы он успешен или нет с точки зрения самого государства. А есть еще всякие секты и другие бандитские организации, которые и так успешно воспитывают себе смену, но непременно ухватятся и за новую методику воспитания полностью подчиненного ни в чем никогда не сомневающегося человека.

Пока что заложенные, как считается, в человека с самого начала самостоятельность и критичность нет-нет да и приводят к тому, что в семье пьяниц вырастает трезвенник, в семье православных – раввин и т. д. И это хорошо. Даже не само по себе, а именно с точки зрения страховки от такой антиутопии, где граждане превратились в винтики государственной машины. Правда, в первом приведенном примере можно списать результат на небрежность

воспитания, доходящую до полного его отсутствия, а во втором – на атмосферу свободной мысли в семье, дескать, именно так они и учили ребенка, к критическому подходу к знаниям, а что перебор вышел, ну, бывает... В общем, идеального воспитания в смысле гарантированного результата, запланированного воспитателем, нет. И это хорошо. Даже не само по себе, а именно с точки зрения страховки и т. д. – см. выше.

Наверное, дело в том, что человеческий ребенок обучается в большой степени самостоятельно. То есть он слушает, что ему говорят, но больше слушает, что говорят не ему. Испытывает воспитательные воздействия (в угол поставили), но гораздо больше испытывает других воздействий, которые родители и воспитатели не контролируют. Причем он не пассивно получает какие-то впечатления, он экспериментирует. Дверь – надо открыть-закрыть – ой, заперлась! Как открыть? Выключатель лампочки – надо пощелкать, убедиться, что он работает, неизменно включая и выключая свет. Этот эксперимент долго не надоедает – надо же хорошо проверить отказоустойчивость этого поразительного механизма гашения и зажигания местного Солнца! Мама ест – забрать у нее ложку и попытаться тоже. Много действий раздражительных, но не потому, что этого хотят родители, а потому, что хочет сам. И много исследовательских. Стекло – надо побарабанить по нему и послушать звук. Не дают, боясь, что разобьется – устроить скандал, вдруг поможет, а нет – запомним, при попытке стучать по стеклу даже рев не помогает отстоять право на это. У кошки хвост – попытаться отнять. Убегают – поймать. Не догнал – запомнить, кошка имеет соблазнительный хвост, но быстрая. В другой раз хватать хвост двумя руками и попытаться поделить по справедливости.

Это просто нельзя проконтролировать, с самого начала, потому что иначе не хватит времени ни на что больше. Ребенка приходится время от времени оставлять одного самостоятельно знакомиться с миром. И чем он старше, тем больше. Он в детстве, помнится, дружил с одним мальчиком во дворе, Вовой Кузиным, родителей которого не видел никогда, хотя иногда к нему домой они заходили. Он его научил жарить яичницу без масла. Этот способ в семье стали называть «яичница по-Вовиному». А также они плавали по огромной луже на деревянной двери (оказалось, такой плот человека, даже маленького, не выдерживает), крали стеклянные шарики с завода технического стекла и, влезая на крышу четырехэтажного дома и подобрившись к краю, бросали их в водосточную трубу, производя адский грохот (тут у него промелькнуло, что такое существо как я не может оценить опасности падения с крыши четырехэтажного дома и создаваемого этой опасностью ощущения восторга, а еще, на заднем плане, что у его отца всю жизнь был шрам (неизвестное нам остаточное повреждение твердого покрова) на подбородке, так как он полез на крышу за большими мальчиками, туда они забрались через подъезд, а слезать стали по пожарной лестнице, а у него ноги не достали до ступеньки, он повисел и упал. К счастью, не прямо вниз, а на дерево, и уже по нему ссыпался до земли), забрались в канализационный люк, где он едва не утонул, соскользнув с трубы и не достав дна, но удержавшись за нее, а друг помог вылезти, и вот он идет, в мокрой насквозь одежде к своему подъезду (прояснить понятие), из которого как раз выходит мама и зовет купаться, а смущенный Кузин говорит от растерянности «да он уже искупался»... прыгали, разбежавшись по стене фундамента недостроенного дома, на другую такую же (к счастью, вниз никто не свалился, а вот падать на той стороне коленками и ладонями на шершавый бетон приходилось), исследовали большую яму с водой на другой стройке, где чуть не утонул уже его младший брат, которого они взяли с собой: подобрался близко к воде, а берег ямы состоял из гравия, который изобразил небольшую лавину с братом вместе. Причем Кузин и среагировал первым, потащил из воды, старший брат только тут подключился – помогать тащить. Растерялся. Почему-то это тоже было зимой или, во всяком случае, когда холодно: брат бы в шубке... И все без надзора взрослых! Его мама по поводу всего этого переживала, но упорно не запрещала ему водиться с этим хулиганом и не пыталась запереть дома. Все-таки хулиганы

бывают и гораздо хуже. Научили бы воровать и грабить, водку пить и всякое такое. И, все-таки, он ведь послушно делал уроки и хорошо учился.

Закончив этот цикл воспоминаний, он уже на первом плане вспомнил и рассказ о шраме отца как свидетельство опасности крыш.

Все это было для меня странным. Видимо, подумал он, у нас нет такого противостояния между государственной машиной и гражданами, потому что нет войн. У них такая серьезная госмашина появилась из необходимости брить новобранцев в армию и гнать остальной народ на изготовление оружия. А если какая страна (раньше: княжество, город, племя) либеральничает и отстаёт, могут съесть. Но тогда не очень понятно, удивлялся он, какой у меня интерес к воспитательному процессу?..

* * *

Поэтому, когда мое время истекло, он отложил вопросы на тему «как мы с ним можем общаться?» – ему казалось, это был второй по важности вопрос после «как мы можем существовать в мантии». И, последовав моему примеру, тоже попросил рассказать о воспитании детей, ожидая какого-нибудь сюрприза. И его ожидания оправдались. Кроме того, ему стало в какой-то степени понятно и как мы с ним можем общаться.

Ребенок у нас получается вначале по-другому неразумный, чем у вас, рассказал я ему. Ваш совсем не настроен слушаться, и попробуй ему объяснить, почему он должен – не поймет. Наш – слушается беспрекословно. Потому что его, по сути, нет.

Чтобы произвести ребенка, не нужна помощь никаких партнеров, ни физическая, ни духовная. Правда, она вскоре понадобится. Родитель должен предварительно подрасти и приобрести достаточные запасы во всех структурах организма, а затем он делится, как пустотная бактерия, но не пополам, а примерно в отношении 4:1. Соответственно, «беременная» особь должна предварительно на четверть подрасти. «Беременная» в кавычках, потому что ее структура в период самооткармливания для воспроизводства ничем не отличается от обычной, и только непосредственно перед рождением ребенка (то есть, делением на ребенка и родителя) он формируется. Соответственно, у нас нет никаких проблем с «прерыванием беременности» на любом этапе. Возможно, признал я, это плохо: никакой ответственности перед обществом за деторождение. Но проблемы как-то пока не возникло. Если народонаселение и уменьшается порой, то не из-за слишком низкой рождаемости, тем более, по причине того, что не хотят.

Но все это несущественные различия с поверхностным ребенком по сравнению с тем фактом, что младенец похож скорее на телеуправляемого робота, чем на живое существо. У него нет никакого самосознания. За него думают и буквально делают за него все действия, управляя им. Его собственная электромагнитная структура организма слишком примитивна, чтобы делать что-то, кроме регистрации и запоминания. Сознание и управление при делении остается в одной, большей половине, и она вынуждена делать все за двоих. Правда, запоминанием меньшая половина занимается исправно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.